
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MONGOLICA-III

Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.

Составитель и автор предисловия И.В.Кульганек

Санкт-Петербург
Издательство "Фарн"

1994

"Монголика-III". — СПб., "Фарн", 1994. — с.96 с илл.

ISBN 5-900461-028-5

Сборник издан на средства фонда "Культурная инициатива"

Сборник, состоящий из двух частей: "Из истории российского монголоведения" и "Монголоведение сегодня", ставит своей целью заполнить многочисленные лакуны и восстановить "забытые страницы" целых периодов существования монголоведной науки. Главными источниками данного исследования явились архивные материалы, впервые введенные в научный оборот. Книга рассчитана как на профессионалов-монголоведов, так и на более широкий круг читателей публики, интересующейся историей культуры России.

Отв. редактор С.Г.Кляшторный

ISBN 5-900461-028-5

© Все авторские права сохранены. Перепечатка отдельных статей преследуется законом и разрешена только с согласия авторов.

© Издательство "Фарн", 1994.

© Виноградова Н.А. Оформление, 1994.

Содержание

Foreword	5
Предисловие	8
Из истории российского монголоведения	
В.Л.Успенский. Монголоведение в Казанской Духовной Академии	11
Е.М.Даревская. Англичанин из Лондона в ургинской школе	18
К.Н.Яцковская. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П.Шастиной (1898-1980)	23
Н.П.Шастина. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе	26
Н.П.Шастина. Фрагменты статьи об аймачном храме "Орлуд"	28
И.И.Ломакина. В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе	35
В.М.Алпатов. Советское востоковедение в оценках Н.Поппе	38
Е.М.Даревская. Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову	47
Н.А.Симукова. Имя А.Д.Симукова возвращается в науку	57
Список опубликованных работ А.Д.Симукова (на русском языке)	61
А.Симуков. Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах	62
А.Симуков. Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета МНР за 15 лет	64
Монголоведение сегодня	
Дмитриев С.В. Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри)	72
Ю.В.Кузьмин. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России	75
С.Кибирова. Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров	80
В.К.Шивлянова. Коллекция валиков Б.Я.Владимирцова в Пушкинском доме	86
Н.С.Яхонтова. "Краткое [изложение] "Ключа разума"	89

К.Н.Яцковская

Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П.Шастиной (1898-1980)

"... Я серьезно занялась вопросами культуры и буддийской иконографии", — писала в июне 1929 г. Н.П.Шастина в письме, адресованном в Москву человеку, с которым шестью годами раньше обсуждала выбор профессии, объясняла занятия (в то время) египтологией своим тяготением к изучению истории религии. "Тяготение это осталось в силе и по настоящее время" — продолжала Нина Павловна — "но, так как я живу в Монголии, то, естественно, что интерес мой от египтологии перешел в другую область — это буддологию". Письмо, затерявшееся в архиве, неожиданно открывает нам обстоятельства, оставшиеся за рамками официальных сведений о пути в монголоведение Н.П.Шастиной, которую мы знаем как историка-исследователя, комментатора и переводчика монгольских летописей XVII в., как автора множества статей, очерков, рецензий, посвященных разным аспектам монгольской культуры. Судьба круто вмешалась, как это нередко бывает, в жизнь выпускницы Иркутского университета. Об этом читаем в том же, выше цитированном письме: "Судьба забросила меня уже давно в Монголию — я живу здесь уже 5 лет, и мои занятия египтологией кажутся мне такими далекими". Напомним обстоятельства, приведшие Н.П.Шастину в Монголию. Ее отец — П.Н.Шастин — по приглашению правительства Монголии, главного командования Народной Армии в 1923 г. приехал в Ургу, дабы поставить медицинское обслуживание на европейский уровень и наладить повседневное лечение населения. Шастины жили в ту пору в Иркутске все вместе, большой семьей, и потому было естественно последовать ей за всеми на новое место жительства. В своих воспоминаниях Н.П.Шастина писала: "Поздно вечером в холодный январский день 1924 г. впервые приехала в Ургу, столицу Монголии... Путь был труден и долог. Из Иркутска до Урги мы с младшим братом добирались целых две недели... Первые впечатления от Урги было — XVII век! Вот куда я попала — из XX прямо в XVII век. Глухие высокие заборы, выглядевшие неприступными от того, что лиственничные бревна поставлены торчком, кривые улочки, переулочки, где царствуют собаки; монастыри и буддийские храмы оригинальной архитектуры" [1, с.196-208]. Через некоторое время самым притягательным местом в Урге для Н.П.Шастиной стало маленькое здание, что находилось рядом с домом Правительства, "беленький домик в три окошечка по фасаду", где разместился Судар бичгийн хурээлэн (известный в монголоведной литературе как

Ученый Комитет (Учком)). "В этом-то беленьком домике и началось мое близкое знакомство с Монголией и монголами, знакомство, переросшее в изучение истории монгольского народа, что и стало моим основным занятием в течение всей жизни." [Там же]. В Автобиографии Нины Павловны, написанной при поступлении на работу в Институт востоковедения, находим указание на примечательную деталь: "... работа по заданию Учкома над переводом с французского языка книги d'Ohsson "Histoire des Mongols" определила мои монголоведческие интересы в дальнейшем" [2, л.5].

Ученый Комитет во второй половине 20-х годов был подлинным центром научной, культурной и просветительской жизни монгольской столицы. Значительность деятельности Комитета во многом определяли его председатель О.Джамьян-гун, ревнитель монгольской словесности, а также заместитель председателя Цыбэн Жамцарано, неутомимый организатор науки и известный просветитель. Самые тесные связи с Учком были установлены знаменитой экспедицией П.К.Козлова. (При Учкоме остались работать такие члены этой экспедиции как С.А.Кондратьев и А.Д.Симуков). Блестящие результаты раскопок Ноин-ульских курганов, открытие древней культуры народа Хунну, населявшего территорию Монголии в III-IV вв. н.э., сенсационные находки — ковры в "зверином стиле", стали огромным событием в востоковедном мире тех лет. На эту пору приходится начало работы разных научных экспедиций Академии наук СССР, приглашавшихся Монгольским Ученым Комитетом для многостороннего исследования страны. В 1925 г. начала свою деятельность Средне-Азиатская экспедиция академика Н.К.Рериха, производившая обследование кочевых погребений в пределах Китайского Туркестана, Алтая, Западной Монголии и Тибета [3, с.8]. И когда экспедиция Н.К.Рериха остановилась в монгольской столице, по свидетельству Н.П.Шастиной, Николай Константинович Рерих стал часто бывать в Ученом Комитете, сблизился с монгольскими учеными и с советскими специалистами. Заметим, что в экспедиции вместе с отцом увлеченно работал старший сын Юрий Николаевич Рерих, интересовавшийся тогда культурой кочевников, проблемами влияния искусства кочевников на искусство соседних народов и шире — вопросами культурной роли кочевников, восстановлением картины кочевого мира, "этого звена между культурами древнего Китая, Индии и бассейна Средиземного моря" [3, с.7].

В круг российской интеллигенции, сложившийся из тех, кто работал при Учком и членов их семей, Н.П.Шастина вошла вскоре после приезда в Ургу. В Монголию к мужу — С.А.Кондратьеву приезжала и подолгу жила, ездила с ним вместе в экспедиции по стране М.И.Клягина-Кондратьева (1896-1971). В ее дневниковых записях-воспоминаниях [4], к сожалению, пока еще не опубликованных, читаем: "Иногда мы ходили в гости. Семейных домов знакомых у нас было чрезвычайно мало, почти не было, в сущности. К Шастиным и Баджамаповым¹ нас обычно приглашали "всем Учкомом" (т.е. вместе с Симуковыми и Тубянскими). Обе эти семьи жили довольно далеко от нас, пожалуй больше чем в 2-х километрах. Жили они на самой окраине, недалеко от консульского поселка. Дома у тех и других по Урге считались роскошными, хотя по московским масштабам их можно было бы сравнить просто с хорошими домами: это были одноэтажные деревянные дома по 6-7 не очень больших комнат... Мы, дамы, ввиду мороза, приходили в валенках и в передней снимали и надевали туфли, принесенные под мышкой. Немного сидели в гостиной, а потом переходили в столовую, где ждал обильный ужин с традиционными пельменями, маринированной свеклой, фаршированными яйцами. Алкоголя было много, и дамы не уступали мужчинам; нас с Мил[анией] Ал[ексеевной] Симуковой обычно сажали по бокам от хозяина, сидевшего во главе стола, т.к. он питал к нам обем платоническое расположение. Однажды целый ужин интриговал меня и всех тем, что преподнесет мне подарок... Наконец принесли прекрасное изображение Зеленой Тары, которое до сих пор висит у меня... Ужин проходил интересно, т.к. хозяин занимал всех самыми разнообразными (неразборчиво — К.Я.) из своей многогранной биографии. Потом переходили в гостиную, где танцевали фокусот под патефон; после чего снова шли далеко-далеко по сухой, пустынной Урге: мороз, огромные звезды, Сириус над Богдо-Улой, лай собак...

У Шастиных вечер проходил примерно также, но разнообразился гитарой и песнями дяди Миши — старого холостяка, прижившегося в семье своего брата, доктора Н.П...

По субботам, те же лица, т.е. учкомцы, Нина Павловна бывали у нас... За столом оживленно болтали, пели квартеты, сочиненные С. (С.А.Кондратьевым — К.Я.), (пели С.А., Мил.Ал. и А.Д. Симуковы), потом переходили в комнату С. и там слушали пластинки... Во всех этих вечерах был какой-то особенный колорит. Это объяснялось конечно тем, что жили мы все в Ц[ентральной] Азии и во все наши разговоры вплетались всевозможные монгольские темы. Кто-нибудь из присутствующих обязательно говорил или о своей экспедиции, или о том, что на днях поедет в Цзаин, или о том, как он недавно ездил в Улясутай или Гоби; передавались разные местные новости и т.п." [4, л.77-78].

Из дневников М.И.Кондратьевой узнаем, что Н.П.Шастина начала ходить в столичные храмы специально с целью их этнографического изучения, обследования архитектурных особенностей, постижения жизни буддийского центра вдвоем с М.И.Кондратьевой, которая так описывает первые шаги приобщения Шастиной к буддийской теме: "Лето 1929 г. мы почти целиком провели в городе, не считая месячной поездки в Гоби, и я посвятила часть своего свободного времени на изучение архитектуры одного из Улан-Баторских монастырей — Цзун-Хуре (Да-Хуре). В нем было много интересных образцов эволюции юрты и превращения ее в архитектурный объект — здание, и собранные мною там материалы легли в основу упомянутой статьи [5].

В Дзун-Хуре я обычно ходила с Н.П.Шастиной (интересовавшейся монгольской этнографией и написавшей несколько статей о цаме, монгольском театре и др.). Шли мы туда чаще всего во второй половине дня, когда спадала жара и косые тени ложились на твердую пыльную землю. Мы бродили по обширной территории монастыря, осматривали и описывали храм за храмом. Иногда

фотографировали. Я набрасывала примитивные планы в блокноте, измеряя расстояние шагами. Иногда мы присаживались отдохнуть на ступеньках у входа в какой-нибудь храм и, конечно! — смотрели вдаль на громадную спокойную, темно-зеленую Богдо-улу. Было тихо. Желтым огнем горели медные и золоченые толи, чжалцаны, статуи "оленья и лани" на храмах; откуда-то издали иногда доносилось пение лам, похожее на гудение гигантских шмелей, бой молитвенного барабана или трубный звук, а то и просто собачий лай. Но тишина поглощала все эти звуки.

Ламы к нам привыкли. Изредка они заговаривали с нами, но чаще не обращали на нас внимания. Прислужники-сторожа всегда охотно открывали для нас свой храм, если он был заперт, зная, что получают "на чай" несколько "мунгу" (монг. монго — малкая денежная единица Монголии — К.Я.) [4, л.79-81].

Теперь совершенно ясны истоки первых монголо-ведческих публикаций Н.П.Шастиной "Цохчин в праздничные дни", "Цам" [6]. К буддийской теме Н.П.Шастина обращалась на протяжении жизни не раз. В 30-е годы появляются ее публикации "Религиозная мистерия цам в монастыре Дзун-хуре" и "Круговращение Майдари" [7]. В 1970 году на Рериховских чтениях в Москве ею был сделан доклад о цаме, о культе магического танца, существовавшего в добуддийскую пору, об установлении цамы в Тибете и приходе его в Монголию, о бытовавших разновидностях цамы.

Н.П.Шастина как прекрасный знаток литературы по вопросам русско-монгольских отношений утверждает, что первые сведения о цаме в Монголии имеются в дневниковых записях капитана от артиллерии Ивана Унковского, относящихся к январю 1723 г.: "Артиллерийский капитан, — писала в своем докладе Н.П.Шастина, — был послан к джунгарскому тайше Цэвэн Рабдану и провел в его ставке почти два года. Там он и увидел цам, который достаточно подробно описал в своем дневнике". Н.П.Шастина относит этот цам, согласно описанию, к новогоднему типу и считает, что точно такой же цам в Тибете видел и описал Л.А.Удделл [8]. В докладе на новом уровне знаний были аналитически использованы опубликованные в 20-30-е годы материалы собственных ее наблюдений цамы в Монголии.

Н.П.Шастина уехала из Монголии в 1936 году, написав к тому времени целый ряд научных статей и очерков о Монголии. За продолжительную и активную работу в Ученом Комитете МНР постановлением 10-го заседания президиума Ученого Комитета по случаю 15-ой годовщины независимости Монгольского государства она была награждена отрезом немецкого шелка на дель в размере 3-х метров, в чем было выдано свидетельство от 3-го августа 1936 г., подписанное председателем Ученого Комитета Дондубом, советником Воробьевым и секретарем Банзарагчем.

Впервые публикуемые ниже очерк Н.П.Шастиной "Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе", в котором идет речь об иконописцах священного места У-Тая, и фрагменты из незавершенной статьи о храмах столичного монастырского комплекса Да-Хурэ, нам представляются весьма ценными. В публикации сохранено написание монгольских слов оригинала, которые Н.П.Шастина записывала скорее всего на слух, т.к. насколько известно, к занятиям монгольским языком она приступила немного позже. Машинописный текст статьи о храмах Орлуд, Сзунгей, Ламынер, помеченный 18 июня 1929 года, обрывается на начале статьи о храме Ламынер. Напечатан текст на бумаге с двойными листами, имеющими водяные знаки extra super fine по полукругу, форматом 33,5x20,5 см. Описание двух других храмов: Эхэ Дагини и Дархан Эмчи — выполнено от руки фиолетовыми чернилами на двух двойных листах форматом 33,2x2,2 см. Эти листы имеют карандашные пометки на полях и в самом тексте, цветные миниатюрные рисунки, приводимые по ходу описания чертежи-планы храмов. Все

листы вложены в двойной чистый лист с надписью на внешней стороне: "Н. Шастина. Монастырь Да-Хуре. Июнь. Июль. 1929 г." Написанные в то время статьи, показательны для читателя тем, что они характеризуют уровень научного старта Н.П. Шастиной как монголоведа, ставшего в дальней-

шем одним из ведущих специалистов нашей страны в середине XX века. Самоценность же этих материалов заключается в том, что они содержат подробнейшие, хотя и неполные сведения об уникальном столичном комплексе, увы! разрушенном впоследствии.

Примечания

¹ Интересные сведения о Ц.Г. Балданжапове, которыми располагала Кондратьева, в "Воспоминаниях о Монголии" она записала: "Семья Балданжаповых была довольно пестрая. Глава ее — Цогто Гармаевич, забайкальский бурят, красивый, выше среднего роста человек, скорее не бурятского, а "индейско"-монгольского типа: чуть-чуть выдающиеся скулы, темный цвет лица, нос с горбинкой, очень красивые руки, бесстрастные, как на буддийской иконе, черты лица. Биография его мне лично известна лишь в очень кратких отрывках, но и они представляют не малый интерес. В юности он участвовал в монголо-сычуанской экспедиции П.К. Козлова и, между прочим, именно он открыл "мертвый город Хара-хото", который впоследствии принес П.К. такую славу. П.К. предусмотрительно умолчал об этом, как в

письменных своих работах, так и в многочисленных устных сообщениях, а Ц.Г., живя в монгольской глуши, не подозревал, какую славу получила его находка. Он узнал об этом, если не ошибаюсь, только в 1927 или 1928 г. и написал П.К. соответствующее недоуменное письмо, на которое не получил ответа..." (там же, л. 64-65).

² Дома, в которых жили Шастины и Балданжаповы, в разной степени сохранности стоят и поныне. Дом Балданжаповых с резными наличниками, с затейливыми башенками над крышей оказался на одной из главных магистралей столицы. За ним следят; он всегда покрашен. Дом Шастиных стоит как бы во дворе дома Балданжаповых и несет на себе черты разрушения, хотя кто-то живет в нем и сейчас.

³ Данное свидетельство хранится в личном архиве Н.П. Шастиной.

Литература

1. Книга братства. М., 1971.
2. Шастина Н.П. Автобиография // Личное дело, Архивный фонд ЛО ИВ РАН.
3. Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. — Прага, 1930.
4. Клягина-Кондратьева М.И. Дневниковые записи, Воспоминания о Монголии. Рукопись.
5. Клягина-Кондратьева М.И. О юрто-образных зданиях Внешней Монголии // Советская этнография. — 1935. — № 3.
6. Хозяйство Монголии. — 1928. — № 4, 6.
7. Современная Монголия. — 1935. — № 1, 6.
8. Waddell L.A. The Buddhism of Tibet or Lamaism. — London, 1895.